

УДК 81-133

DOI: 10.25688/2619-0656.2020.14.14

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА И КОММУНИКАТИВЫ

COMMUNICATIVE FUNCTION OF LANGUAGE AND COMMUNICATIVES

Игорь Алексеевич Шаронов
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

Igor Alekseevich Sharonov
Russian State University for Humanities,
Moscow, Russia

Аннотация

В статье рассматривается слабо исследованная языковая область, включающая единицы, не поддающиеся традиционным лингвистическим методам анализа: стереотипные употребления знаменательных и служебных слов и сочетаний в качестве коротких ответных реплик. Такие употребления обладают рядом особых прагматических и дискурсивных свойств и претендуют на статус самостоятельных языковых единиц. Мы называем такие единицы коммуникативами. Анализ нескольких коммуникативов демонстрирует необходимость лексикографического описания таких единиц на основе методов дискурсивно-прагматического анализа.

Ключевые слова: диалог, прагматика, дискурсивный анализ, коммуникативы.

Abstract

The study focuses on currently underexplored communicative units that are difficult to analyze and describe using traditional linguistic methods. We refer to grammatically vague response tokens pointing to the preceding utterance in a dialog: *Подумаешь, Проехали, Сойдёт, Ну ещё бы, Ладно уж* and so on. Typical usage of independent and functional words and word combinations as response tokens serves as a signal of the speaker's communicative intentions in talk-in-interaction. These units are further referred to as communicatives. They have some specific pragmatic characteristics to be analyzed and made explicit. It is obvious that these units can be treated as a separate linguistic class or a functional group. A more adequate description of these linguistic units will

require sociolinguistic and discursive methods. Their main pragmatic features are motivated by the dominance of the communicative function of the language over the nominative one. As a result, words and word combinations as response tokens reveal crucial deviations in their meaning, lose it and get new discursive characteristics instead. A communicative is the second part of dialogue adjacency pairs, such as “offer — acceptance or refusal to offer”, “compliment — response to compliment” and so on. The discursive position predetermines the speech act function of communicatives.

Another relevant pragmatic feature related to communicatives is their expressive connotation. Communicatives are often accompanied by expressive gestures and mimics. Some traditional dictionaries view communicatives as special cases of word usage and mark them with a rhombus at the end of the dictionary entry followed by a short commentary. Such information is by no means insufficient for adequate use of communicatives, but the problem is that to date there is no reliable lexicographic scheme for describing such units. Russian communicatives are a challenge to foreign students as inappropriate use of these units is a diagnostic sign of “foreignness” along with an accent and incorrect use of idioms and verb aspect.

The lexicographic method seems to be the best way to provide an explicit explanation of pragmatic features of communicatives. Taking into account that communicatives’ function in dialogues can be determined by applying discursive methods when analyzing the dialogue structure, it should be a very specialized dictionary.

Key words: dialogue, pragmatics, discourse analysis, communicatives.

Введение. Исследование языка проходит разные этапы формально-лингвистического и инструментального описания: «полевого» изучения языка, составления грамматики и словаря, анализа синтаксических, стилистических и прагматических возможностей языковых единиц, исследования языка как продукта и основного средства социального взаимодействия, его роли и значения в филогенезе, культуре, политике, педагогике и т. д. Наука о языке в России, как и в целом ряде других стран, имеет богатую традицию изучения языка на материале письменных текстов. Благодаря этому «ядерная» часть языка, его структура и лексикон получили достаточно полное и объективное описание и в диахронии, и в синхронии. Новым толчком к исследованию языковых явлений стало обращение к разговорной форме бытования языка. Технологии конца XX и начала XXI века позволили усилить внимание лингвистики к актуализованному использованию языковых единиц в коммуникации. Такие лингвистические направления, как прагматика, теория речевых актов (далее — РА), дискурсивный и конверсационный анализ, направленные на изучение диалога, его структуры и единиц, получили мощный импульс для своего развития.

Цель статьи — описание характерных свойств одного разряда коммуникативов, включающего знаменательную лексику. Коммуникативы в целом — это короткие диалогические реплики, состоящие из одного или нескольких слов: *Да нет; А то!; Подумаешь; Да ладно; Здравствуйте пожалуйста* и т. д. Отличительная особенность коммуникативов — в их синтаксической позиции в структуре диалогического текста. Это ответные реплики, дискурсивно связанные с содержанием и интенцией реплики собеседника. Главное отличие коммуникативов от остальных коммуникативных реплик диалога заключается в том, что такую единицу невозможно адекватно описать без информации о стимулирующей ее реплике. Очень многие из этих единиц — *terra incognita* для неносителей языка. В художественных текстах коммуникативы чаще всего сопровождаются авторскими комментариями, позволяющими понять, что именно имеет в виду персонаж. Однако встречаются тексты, в которых автор опирается исключительно на фоновые знания читателя. Ср.:

— Живу, а радоваться неохота. Скушно. — Ваша профессия вас устраивает? — *А то нет?* Я инженер... (И. Адамацкий. «Утешитель»).

— На, тащи мамке. Удержишь? — *А то нет!* — говорит Сашук, хватая рыбину обеими руками. (Н. Дубов. «Мальчик у моря»).

Не всякий иностранец, изучающий русский язык, догадается, что коммуникатив *А то нет*, который пока еще, как кажется, не зафиксирован в словарях, означает категорическое подтверждение неуверенной гипотезы собеседника и что фразовое ударение падает на частицу *то*.

В задачи статьи входит обоснование дискурсивно-прагматического подхода для описания коммуникативов, состоящих из знаменательных слов или включающих их наряду со служебными словами: выявление их семантической опустошенности, эмоциональной нагруженности и дискурсивных ограничений при использовании их в диалоге.

Методология. Об устной коммуникации и о структуре диалога написано достаточно много работ. Диалог, в отличие от письменных текстов, строится не одним, а двумя и более участниками. Многие диалоги очень похожи в силу стереотипности коммуникативных ситуаций, в которых люди участвуют, стереотипны и последовательности развертывания устной коммуникации. Мы ежедневно приветствуем друг друга, говорим о погоде, новостях, благодарим и приносим извинения, ходим в магазин и общаемся там с продавцом по соответствующей «модели» коммуникации, прощаемся и т. д. и т. п.

Бытовые диалоги, из которых состоит во многом устная коммуникация, полны стереотипных фраз, расположенных в последовательности развития диалога определенным образом [Coulmas 1981]. Диалог состоит из тематически и ситуационно связанных друг с другом реплик, которыми по очереди обмениваются оба его участника. Реплики диалога отлича-

ются неполнотой выражения смысла, паралингвистическими отсылками к ситуации, обилием аграмматичных речевых единиц, выполняющих исключительно коммуникативную функцию. В списки таких единиц входят эмоциональные и побудительные междометия (*ух ты, ого-го, баستا, кис-кис*), репликовые частицы и их сочетания (*ну, вот, да, вот так-то, еще чего, ну уж нет*), десемантизированные предикативы (*подумаешь, обалдеть, конечно, никогда*), идиоматические сочетания (*ничего не поделаешь, дело хозяйское, подумать только*) и краткие предложения (*я балдею, видали мы таких, есть такое дело*). Как видно из списка, это группы, собранные только по коммуникативной функции в целом, но значительно различающиеся другими своими свойствами.

Существуют разные попытки описывать эти единицы. Их определяют как междометия, нечленимые предложения, слова-предложения, релятивы, квази-предложения, речевые формулы, коммуникативы, иллюкутивы [см. Киприянов 1975; РГ 1980, § 2677; Земская 1987; Шаронов 1996; Баранов, Добровольский 2008; Кустова 2012]. Перечисленные описания страдают некоторой ограниченностью, связанной, в основном, с постановкой задач и использованием для анализа этих единиц традиционных методов. Морфология не углубляется в рассмотрение таких единиц, поскольку они имеют репликовый, и, стало быть, синтаксический статус. В [РРР 1973] некоторые из таких единиц (включаемых авторами в класс релятивов) прошли лишь формальный этап описания: были перечислены релятивы, которые произошли от частиц: *да, нет, вот!*; *ну!*; от грамматических идиом: *ишь ты!*, *еще чего, надо же*; от имен: *комедия!*, *жесть!*, *пустое!*; местоимений: *ничего!*, *как?*, *что?*; наречий: *здорово!*, *ладно!*, *блестяще!*, *фигóво*; глагольных форм: *идёт!*, *давай! не скажи!*; фразеологизмов: *подумать только!*, *и то хлеб*, и т. д. В синтаксисе же эти единицы не входят ни в одну классификационную группу предложений, даже одноставных, и потому обычно лишь упоминаются. Синтаксические теории разрабатывались прежде всего на основе нарративных текстов. Методы, позволяющие анализировать структуру простого и сложного предложения, периода и текста в целом, оказались лишь частично применимыми для исследования единиц диалогической речи.

Определенное количество таких единиц включены в некоторые толковые, специальные и фразеологические словари [Рогожникова 1983; Фразеологический словарь 1986; Lubensky 1995; Словарь структурных слов 1997; Шимчук, Щур 1999; Ожегов 1990; Большой толковый словарь 2000; Фразеологический объяснительный словарь 2009 и др.]. Однако описание единиц дается крайне лапидарно, аналогично междометиям, поскольку такие единицы лишены номинативного значения и адекватный аппарат для их толкования до сих пор не выработан.

Носителям языка обычно не нужно искать коммуникативы в словарях, они знают их из ежедневного общения и используют автоматически в стереотипных ситуациях. Для неносителей, даже профессиональных русистов, не включенных в регулярную устную коммуникацию, эти единицы и их адекватное употребление в речи — одна из труднопреодолимых вершин в освоении языка; незнание их или неправильное их использование — маркер «чужеродности» наряду с акцентом и с идиоматикой.

В исследованиях И. А. Шаронова [1996, 2009] и Т. Н. Колокольцевой [2001] предлагается описывать коммуникативы с функциональных позиций: объединять единицы в интенциональные группы, а группы — в более широкие классы: ментальный, куда входят коммуникативы подтверждения, возражения, согласия, отказа и т.д.; этикетный класс, куда входят коммуникативы извинения, благодарности, осуждения и т.д.; эмоциональный класс (коммуникативы удивления, радости, удовлетворения, огорчения, возмущения и т.п.); побудительный класс, куда входят коммуникативы поддержания контакта, реактивные сигналы к совершению действия или изменению поведения и т. п.

Такой подход представляется важным шагом для полноценного описания рассматриваемых единиц. Однако считать его окончательным было бы неверным. Определение интенционального содержания необходимо дополнять выявлением условий адекватного использования коммуникативов в диалогическом тексте.

Основная часть. Для решения задачи описания коммуникативной деятельности исследователи выходят за рамки традиционной лингвистики и обращаются к методам смежных дисциплин — социолингвистики, логического анализа языка, дискурсивного и разговорного анализа. В результате исследований, проводимых в рамках этих областей науки, выявлены социальные и коммуникативные правила, которым следует диалог как форма межличностного взаимодействия и как языковой феномен. В работах по дискурсивному анализу разговора высказывание рассматривается как составной элемент диалогического единства смежных реплик обоих собеседников. В работах [Sacs, Schegloff, Jefferson 1974; Schegloff 1981; 2007; Падучева 1982; Баранов, Крейдлин 1992] и других исследованиях отмечаются тематическая, дискурсивная, прагматическая, формальная и прочие виды зависимости между репликами собеседников. Указывается, что более сильной зависимостью обладает ответная реплика, формальные и семантические особенности которой на материале русского языка рассматривались, в частности, в работах Н. Ю. Шведовой [1960] и Н. Д. Арутюновой [1970, 1981]. Значительную роль для описания адекватного использования единицы играет «левый контекст»: тип иллокутивного акта стимулирующей реплики, реже — ее формальные и семантические особенности.

Ответная реплика диалога, разумеется, не всегда коммуникативна. Говорящий имеет для построения ответа и другие языковые возможности, например, неполные предложения. Рассмотрим пример мини-диалога:

- Ты ведь смотрел «Все о моей матери» Альмодовара?
- Смотрел! / Еще год назад! / Ну да! / А то нет! / О чем речь!

Все перечисленные варианты ответной реплики выражают подтверждение гипотезы в вопросе собеседника. Первые две реплики — неполные предложения, которые в полном варианте (который обычно не используется в диалогической речи) имели бы следующий вид:

Я смотрел «Все о моей матери» Альмодовара.

Я смотрел «Все о моей матери» Альмодовара еще год назад.

Три последующие реплики: *Ну да! / Конечно! / О чем речь!* — это коммуникативы, частично или полностью аграмматичные и десемантизированные слова и сочетания, которые также часто используются в качестве ответного РА, оценочной диалогической реакции говорящего. Их принципиальное отличие от неполных предложений — оторванность от содержательной стороны иницирующей реплики, связь с ней исключительно интенциональная и отчасти функционально-стилистическая. Данное свойство коммуникативов позволяет использовать их стереотипно в диалогах почти независимо от темы беседы.

Л. Теньер отмечает анафорический характер использования единиц, которые мы называем коммуникативами, их зависимость от смысла предшествующего высказывания [Теньер 1988: 112]. Речь здесь идет об осмыслении конкретного, речевого употребления коммуникатива, что сближает коммуникативы с местоимениями. Однако на этом сходство двух групп языковых единиц заканчивается, коммуникативы имеют целый набор интересных прагматических свойств, требующие анализа и описания.

Перечислим набор основных свойств коммуникативов, отличающий их от стандартных языковых единиц.

1. Доминирование коммуникативного значения над номинативным.
2. Десемантизация как результат доминирования коммуникативного значения.
3. Дискурсивная предопределенность.
4. Имманентная экспрессивность, проявляющаяся в регулярной жестово-мимической поддержке.

1. Доминирование коммуникативного значения над номинативным

Известно онтологическое противоречие между номинативной и коммуникативной функциями языка: частота встречаемости слов и их первичное значение связаны обратно пропорционально. Чем чаще они употребляются и закрепляются в разных контекстах, тем сильнее меняется

и меньше сохраняется в них номинативное значение под влиянием коммуникативного. Рассмотрим «борьбу» номинативного и коммуникативного (дискурсивно-прагматического) значения на примере коммуникатива *Бывает*.

«Большой толковый словарь» (БТС) толкует значение слова *Бывает* как синоним глагола *Быть* с небольшим добавлением, что им обозначается неоднократное, повторяющееся действие или состояние. Номинативное значение в данном коммуникативе не исчезает, но «уходит в тень» под влиянием коммуникативных значений, которые определяются типовыми диалогическими ситуациями. Коммуникативы используют, чтобы подтвердить предположение собеседника или его опровергнуть, ответить на просьбу согласием или отказом, оценить сообщение положительно или отрицательно, выразить удивление в ответ на сообщение, усомниться в его истинности и т. д. Таким образом, дискурсивно-прагматическое описание коммуникативов определяется прежде всего через иллюкутивное взаимодействие реплик.

Рассмотрим три типовые диалогические ситуации использования коммуникатива *Бывает* и его коммуникативные значения в таких ситуациях.

1) Снятие вины в ответ на извинения за причинение незначительного ущерба, неудобства.

«— Нет, вы ошиблись номером. Ничего, пожалуйста. Бывает-бывает. — Бульдог положил трубку. — В прачечную звонит <...>» (Шукшин В. М. «Калина красная»).

2) Успокаивание в ответ на выражение негодования, обиды на кого- / что-л.

«Вот ведь какая гадюка! — Да, — сказал Корнилов неопределённо, — бывает» (Домбровский Ю. О. «Хранитель древностей»).

«Николай Михайлович, конечно, рассказал о случившемся Сергею Анатольевичу; тот сухо посочувствовал: — Бывает, бывает. Народ-то всем...» (Сенчин Р. «Елтышевы»).

3) Неопределённое подтверждение гипотезы собеседника о действиях кого-л., событиях.

«Я должен быть сильным, чтобы меня никто пальцем не смел тронуть. Чтобы любому дать отпор, понимаешь? — И даёшь отпор? — Бывает» (Аксенов В. П. «Пора, мой друг, пора»).

«— Вообще, часто деретесь? <...> Он, прищурившись, смотрел мне прямо в глаза. — Бывает». (Геласимов А. В. «Год обмана»).

При этом коммуникатив *Бывает* обычно сопровождается мимикой и жестами, указывающими на пассивно-негативное отношение говорящего к предмету речи. Этот коммуникатив в силу своей стереотипности даже стал мемом.

2. Десемантизация как результат доминирования коммуникативного значения

Доминирование коммуникативного значения «деформирует» и часто приводит к частичной или полной десемантизации анализируемых единиц, разрыву связи между лексической семантикой слова и интенцией слова в качестве реплики. Рассмотрим в качестве примера две пары коммуникативов, построенных на основе однокоренных глаголов: 1) *идёт* и *сойдёт*, 2) *приехали* и *проехали*. Сбор и анализ примеров употребления данных грамматических форм в качестве коммуникативов в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) позволил выявить серьезные различия в дискурсивно-прагматических значениях между единицами каждой пары.

Идёт и *Сойдёт*.

Оба коммуникатива выступают как вторичные употребления грамматических форм глаголов *идти* и *сойти*. Кроме общего корня коммуникативы имеют одинаковые грамматические формы лица и числа. Различаются они грамматически только по категории времени: первая — настоящего, вторая — будущего времени. Кроме того, у второй формы есть еще приставка *с-*, несколько (но не принципиально!) меняющая значение лексемы *идти*. При близости и родстве в первичном значении эти формы, используемые в качестве коммуникативов, передают весьма далекие друг от друга РА.

Коммуникатив *Идёт* передает РА согласия в ответ на предложение собеседника совершить совместное действие:

«— Пообедаем вместе? — Идёт. — Смотри не опаздывай!» (Маканин В. С. «Отдушина»).

Синонимично данному коммуникативу выступают такие единицы, как: *Хорошо*, *Конечно*, *Договорились*, *Окей* (но не *Спасибо* как положительная реакция на приглашение и не *Ладно* как положительная реакция на просьбу).

Коммуникатив *Сойдёт* передает удовлетворительную оценку качества обсуждаемого объекта.

«Он отошел к каменке, булькнул там в чане водой. — Остыла, поди, совсем? — зачем-то спросила она. — Сойдёт» (Распутин В. Г. «Живи и помни»).

Синонимами данному коммуникативу будут: *Ничего, Годится, Нормально*.

Приехали и *Проехали*. Оба коммуникатива выступают как вторичные употребления грамматических форм глаголов *приехать* и *проехать*, которые различаются только приставками. Однако из значений корня и приставок вывести дискурсивно-прагматическое значение коммуникативов оказывается абсолютно невозможно.

Приехали в неформальной коммуникации передает разочарование говорящего ввиду не оправдавшихся ожиданий относительно действий или представлений собеседника.

«— Приветствую! Ты по какому вопросу? — Приехали! — сердито сказал Гуров. — Это называется — начали во здравие, кончили за упокой! Что значит — по какому вопросу?» (Леонов Н. И., Макеев А. В. «Гроссмейстер сыска»).

Проехали в качестве коммуникатива в неформальной, бытовой коммуникации указывает на желание говорящего прервать начатую им тему ввиду коммуникативной неудачи или поворота беседы в нежелательную для говорящего сторону.

«— Всё хорошо? — Что?.. А... Максим! — Меня зовут Максимус. — А? — Ничего, проехали» (Садулаев Г. У. «Таблетка»).

«— Может быть, ты и прав, может быть... А там кто знает, возможно, и нет. — Проехали! — решительно сказал Пафнутьев. — Хватит причитать. Мне пора в Испанию собираться» (Пронин В. А. «Банда 8»).

При добавлении *Ладно* коммуникатив *проехали* (*Ладно, проехали*) может передавать также акт прощения, снятия вины:

«— Стучаться надо было! — с досадой произнес Иван. — Я постучал, — важно ответил Илья, упершись спиной в одну из берез. — Правда, вы не слышали. — Ладно, проехали! — махнула рукой Валя» (Тренина Т. М. «Русалка для интимных встреч»).

Итак, коммуникативы, построенные на значимой лексике, обычно десемантизируются частично или полностью, выведение употребления единицы из первичного значения часто оказывается невозможным. То же самое можно сказать и о многих грамматических идиомах, построенных на основе служебной лексики. Проблемы, связанные с употреблением таких коммуникативов, можно разделить на два типа.

3. Дискурсивная предопределенность

В качестве примера дискурсивной предопределенности рассмотрим две единицы, содержащие общее для них знаменательное слово *Именно* и близкие значения подтверждения и согласия: *Именно так* и *Вот именно*. Однако взаимозамена их в том или ином контексте приводит к прагматической ошибке, «царапает» слух носителя языка, указывает на недостаточную коммуникативную компетенцию говорящего.

Коммуникатив *Именно так* используется как безусловное подтверждение выраженной в вопросе догадки собеседника, к которой говорящий чаще всего сам подводит собеседника:

«— И Эти “глеющие материалы” находятся в распоряжении правительства. — И используются в определенный момент? — Именно так» (* Вот именно). (Леонов Н., Геворкян Н. Кому мешают русские шпионы // Коммерсантъ-Власть, 1998).

«— То есть вы хотели бы вернуть детям, а возможно и их родителям, тот самый слух к чужой боли? — Именно так» (* Вот именно) (Гулина А. «Слух к чужой боли» // Богатей (Саратов). 2003.09.11).

Коммуникатив *Вот именно* является реакцией на иной тип стимула. Он используется в ответ на высказанную собеседником оценку предмета речи и выражает горячее согласие с такой оценкой.

«— А по-моему, какой канал ни включишь, везде криминал. — Вот именно» (* Именно так). (Кантор Ю. Сергей Безруков: «На телевидении я делаю то, что хочу» (2001) // Известия. 2001.09.24).

«— Так что же, вся эта организация — шутка? — продолжал Мышкин. — Ничего себе шуточки...— пробормотал я. — Вот именно!» (*Именно так). «Они не похожи на шутников» (Белоусова В. «Второй выстрел»).

Коммуникативам в целом присуща имманентная экспрессивность, проявляющаяся в регулярной жестово-мимической поддержке.

Коммуникативы имеют дискурсивные свойства, предопределяющие возможность их адекватного употребления. Тонкие различия в характере дискурсивной сочетаемости можно обнаружить в близких вариантах коммуникатива. Незнание ограничений в употреблении может приводить к прагматическим жанрово-стилистическим ошибкам при использовании единицы в речи.

4. Имманентная экспрессивность

Присущую коммуникативам экспрессивность, эмоциональную заряженность и часто оценочность рассмотрим на примере коммуникатива *Хотя бы*. Данное употребление зафиксировано в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000] со значением утвердительно-предположительного ответа. В качестве синонимов предлагаются коммуникативы *Допустим* и *Пожалуй*. Однако заменить *Хотя бы* этими синонимами было бы все же затруднительно, поскольку они имеют иную экспрессивную окраску, лишены резкой полемичности и потенциальной конфликтности, которая «вшита» в прагматику коммуникатива *Хотя бы*.

«— Что это ты со мной так цацкаешься? Влюбился? — Хотя бы! — заявил Олег с вызовом. — Ладно, проехали. Так все-таки, чего тебе от меня надо?» (Дивов О. «Молодые и сильные выживут»).

«— А в чем заключается твое барахтанье? В том, что переселился на дачу и возделываешь огородик? — Хотя бы, черт вас подрал! В том, что не участвую, не служу, не езжу в черном “роллс-ройсе”, ядри вашу в корень наблюдателей...» (Трифонов Ю. В. «Исчезновение»).

Говорящий произносит коммуникатив громко и резко, выдвинув голову вперед в знак готовности к агрессивному ведению полемики. Этим коммуникатив отличается от предлагаемых синонимов. Коммуникатив *Допустим* также может быть использован в полемическом разговоре, но «градус» агрессии, недовольства значительно ниже. Коммуникатив *По-жалуй* означает неуверенное согласие говорящего после некоторого обдумывания.

Выводы. Таким образом, в статье мы высветили слабо исследованную языковую область, зону коммуникативных единиц, не поддающихся традиционным лингвистическим методам анализа, требующих новых подходов для описания. Стереотипные употребления знаменательных и служебных слов, а также их идиоматических сочетаний в качестве коротких ответных реплик обладают рядом свойств, которые сильно отличаются от стандартных употреблений этих слов и сочетаний в предложении и претендуют на статус самостоятельных языковых единиц. Мы называем такие единицы коммуникативами.

Для описания коммуникативов необходим выход за рамки традиционных лингвистических методов и обращение к социолингвистическому и дискурсивному анализу диалога, рассмотрение этих единиц в качестве составного элемента диалогического единства смежных реплик обоих собеседников. Основные особенности коммуникативов определяются доминированием коммуникативного значения над номинативным. Результатом доминирования коммуникативного значения является их постепенная десемантизация, дискурсивная предопределенность и имманентная экспрессивность, проявляющаяся в регулярной жестово-мимической поддержке.

Описание коммуникативов в традиционных словарях в качестве употреблений того или иного слова (в словарной статье слова «за ромбом») малоинформативно, поскольку такие единицы лишены номинативного значения и адекватный аппарат для их толкования до сих пор не выработан. Поэтому для неносителей русского языка, даже профессиональных русистов, не включенных в регулярную устную коммуникацию, эти единицы и их адекватное употребление в речи — одна из труднопреодолимых вершин в освоении языка; неправильное их использование — маркер «чужеродости» наряду с акцентом и с идиоматикой. Наиболее перспективным представляется лексикографическое описание коммуникативов на основе методов дискурсивно-прагматического описания диалогических пар и более крупных блоков диалога с учетом экспрессивного характера единиц.

Литература

Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1970. № 3. С. 44–58.

Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия Литературы и языка. 1981. Т. 40. С. 356–367.

Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–100.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. Москва: Русский язык, 1987. 239 с.

Киприянов В. Ф. Коммуникативы как лексико-грамматический класс слов в русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1975. № 3. С. 79–86.

Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2001. 261 с.

Кустова Г. И. Об иллокутивной фразеологии // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. Москва: ЯСК, 2012. С. 349–366.

Национальный корпус русского языка URL: www.Ruscorpora.ru.

Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. Серия Литературы и языка. Т. 41. 1982. № 4. С. 305–313.

Русская грамматика: В 2 т. Москва: Наука, 1980.

Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская. Москва: Наука, 1973. 485 с.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. Москва: Прогресс, 1988. 656 с.

Шаронов И. А. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // Русистика сегодня. 1996. № 2. С. 89–112.

Шаронов И. А. Поиск и описание коммуникативов на основе национального корпуса русского языка // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход: Коллективная монография. Москва: Языки славянских культур, 2014. С. 145–187.

Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Москва: Изд. АН СССР, 1960. 378 с.

Coulmas F. Introduction: Conversational Routine // Conversational Routine: Exploration in standardized communication situations and prepatterned speech. The Hague: Mouton. 1981. P. 1–18.

Sachs H., Schegloff E., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking in conversation // Language. Vol. 50 (4). 1974. P. 696–735.

Schegloff E. A. Sequence Organization in Interaction. A Primer in Conversation Analysis. Cambridge University Press, 2007. 300 p.

Словари

Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Ред. А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Москва: Эксмо, 2009. 700 с.

Большой толковый словарь русского языка / Ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1534 с.

Ефремова Е. Ф. Новый толковый словарь: В 2 т. Москва: Русский язык, 2000.

Фразеологический словарь русского языка. 4-е изд. / Под ред. А. И. Молоткова. Москва: Русский язык, 1986. 544 с.

Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. Москва: Лазурь, 1997. 422 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 23-е изд., испр. Москва: Русский язык, 1990. 915 с.

Рогожникова Р. П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. Москва: Русский язык, 1983. 144 с.

Шимчук Э., Шур М. Словарь русских частиц. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 1999. 147 с.

Lubensky S. Russian-English Dictionary of Idioms. New York: Random house, 1995. 1017 p.

References

Arutyunova N. D. Nekotorye tipy dialogicheskikh reakcij i “pochemu”-repliki v russkom yazyke // Nauchnye doklady vysšej shkoly. Filologicheskie nauki. 1970. № 3. S. 44–58.

Arutyunova N. D. Faktor adresata // Izvestiya AN SSSR. Seriya Literatury i yazyka. 1981. T. 40. S. 356–367.

Baranov A. N., Krejdlin G. E. Illokutivnoe vynuzhdenie v strukture dialoga // Voprosy yazykoznanija. 1992. № 2. S. 84–100.

Zemskaya E. A. Russkaya razgovornaya rech’: lingvisticheskij analiz i problemy obucheniya. Moskva: Russkij yazyk, 1987. 379 s.

Kipriyanov V. F. Kommunikativnyy klass slova i grammaticheskie klassy slova v russkom yazyke // Nauchnye doklady vysšej shkoly. Filologicheskie nauki. 1975. № 3. P. 79–86.

Kolokol’ceva T. N. Specificheskie kommunikativnye edinicy dialogicheskoy rechi. Volgograd: Izd-vo VGU, 2001. 261 s.

Kustova G. I. Ob illokutivnoj frazeologii // Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushhie syuzhety: Sbornik statej v chest’ 80-letiya I. A. Mel’chuka. Moskva: YaSK, 2012. S. 349–366.

Nacional'nyj korpus russkogo yazyka URL: www.Ruscorpora.ru.

Paducheva E. V. Pragmatische aspekty svyaznosti dialoga // Izvestiya AN SSSR. Seriya Literatury i yazyka. T. 41. 1982. № 4. S. 305–313.

Russkaya grammatika: V 2 t. Moskva: Nauka, 1980.

Russkaya razgovornaya rech' / Pod. red. E. A. Zemskoj. Moskva: Nauka, 1973. 485 s.

Tesnière L. Osnovy strukturnogo sintaksisa. Moskva: Progress, 1988. 656 s.

Sharonov I. A. Kommunikativy kak funkcional'nyj klass i kak ob'ekt leksikograficheskogo opisaniya // Rusistika segodnya. 1996. № 2. S. 89–112.

Sharonov I. A. Poisk i opisanie kommunikativov na osnove nacional'nogo korpusa russkogo yazyka // Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyj podkhod: Kollektivnaya monografiya. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2014. Gl. 5. P. 145–187.

Shvedova N. Yu. Ocherki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi. Moskva: Izd. AN SSSR, 1960. 378 s.

Coulmas F. Introduction: Conversational Routine // Conversational Routine: Exploration in standardized communication situations and prepatterned speech. The Hague: Mouton, 1981. P. 1–18.

Sacs H., Schegloff E., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking in conversation // Language. Vol. 50 (4). 1974. P. 696–735.

Schegloff E. A. Sequence Organization in Interaction. A Primer in Conversation Analysis. Cambridge University Press. 2007. 300 p.

Dictionaries

Frazeologicheskij ob'yasnitel'nyj slovar' russkogo yazyka / Red. A. N. Baranov, D. O. Dobvol'skij. Moskva: Eksmo, 2009. 700 s.

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Red. S. A. Kuznecov. Sankt-Peterburg: Norint, 2000. 1534 s.

Efremova E. F. Novyj tolkovyj slovar': V 2 t. Moskva: Russkij yazyk, 2000.

Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. 4-e izd. / Pod red. A. I. Molotkova. Moskva: Russkij yazyk, 1986. 544 s.

Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka / Pod red. V. V. Morkovkina. Moskva: Lazur', 1997. 422 s.

Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. 23-e izd., ispr. Moskva: Russkij yazyk, 1990. 915 s.

Rogozhnikova R. P. Slovar' sochetanij, ekvivalentnykh slovu. Moskva: Russkij yazyk. 1983. 144 s.

Shimchuk E., Shhur M. Slovar' russkikh chastic. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH. 1999. 147 s.

Lubensky S. Russian-English Dictionary of Idioms. New York: Random house, 1995. 1017 p.

Сведения об авторе: Игорь Алексеевич Шаронов; доктор филологических наук; доцент; Российский государственный гуманитарный университет; профессор, заведующий кафедрой русского языка Института лингвистики; ORCID 0000-0002-5553-1533; Igor_sharonov@mail.ru; сфера научных интересов: прагматика, теория диалога, дискурсивный анализ, стилистика.

The author's profile: Igor Alekseevich Sharonov; Doctor of Philology; Associate Professor; Russian State University for Humanities; Institute of Linguistics; Professor, the head of Russian Language Department; ORCID 0000-0002-5553-1533; Igor_sharonov@mail.ru; research interests: pragmatics, dialogue, discursive analysis, stylistics.